

И.А. БУНИН:

Мировая литература есть продукт страдания

с. 12-13
5-11 марта 1990
Мейерхольд - 1990

Тридцать три года провел в эмиграции во Франции русский писатель Иван Алексеевич Бунин. Здесь в государственных и частных архивах хранятся сотни его писем, большинство из которых остаются неизвестны нам. В Париже и поныне здравствуют наши соотечественники, хорошо знавшие автора «Деревни» и «Господина из Сан Франциско». Наконец, в эмигрантской прессе за минувшие семь десятилетий опубликовано множество статей и материалов, посвященных И. А. Бунину.

Просматривая на днях в библиотеке парижского Института славяноведения подшивку издававшегося во Франции еженедельника «Иллюстрированная Россия», в номере 11 за 1934 год я обнаружил интересное интервью «Полчаса с И. А. Буниным», которое, если не ошибаюсь, в советской прессе не перепечатывалось.

С корреспондентом этого журнала, выступавшим под псевдонимом Саккар, Иван Алексеевич встретился после возвращения в Париж из французского южного города Граса, где жил на вилле «Бельведер». В минувшем году писатель получил Нобелевскую премию, и у него впервые в эмиграции появились деньги, которые очень скоро разойдутся. Но в Париже среди русских литераторов стали говорить о том, что Бунин купил себе эту виллу.

— Сущая неправда, — ответил он на вопрос журналиста. — И не купил, и не знаю, куплю ли еще. Уж очень странное у меня чувство. Почему вдруг именно Грас? Почему меня, русского человека, судьба вдруг связывает с каким-то далеким и чуждым мне городком на юге Франции? Осмотревшись иногда кругом — просто жутко становится: неужели же вот тут и обосноваться навсегда... Ну и гонишь от себя эту мысль, заставляешь себя в нее не верить... Это и удерживает от покупки.

Не собирается ли Иван Алексеевич отправиться в путешествие по земному шару? — поинтересовался журналист.

— О, нет! Куда же еще ехать. И так

уж много попутешествовали. Да и потом на путешествие нужно много лишних денег. А лишних, поверьте, у меня нет. Вот, говорят, Бунин разбогател, Бунин получил миллион премии. Но, во-первых, это не миллион, а во-вторых, по нынешним временам и миллион совсем не такое уж богатство. Конечно, я теперь не нуждаюсь, но ведь были перед этим долгие годы постоянной нехватки, накопились долги... Ну и затем было много других расходов.

«Иллюстрированная Россия» напоминает о том, что Бунин пожертвовал значительную сумку на помощь русским эмигрантам — целое маленькое состояние.

— Когда я получил премию, — продолжает Иван Алексеевич, — множество людей решило, что я должен тотчас же раздать все полученные деньги. В первые дни я получал просьбы сотнями. Теперь их меньше, но и до сих пор приходит по 5—10 писем в день. Бывают среди них просто удивительные по... наивности, что ли. Смею вас уверить, что если бы я удовлетворил все просьбы хоть частично,

то от премии не осталось бы ни копейки. А между тем у меня много родных, да и сам я не молод, хочется пожить и поработать спокойно.

Бунин, как всегда, много работал: «Готовлю две новые повести, — говорил он в интервью. — Пока они только в проекте. Работаю над «Жизнью Арсеньева». Но занят сейчас, главным образом, редактированием своего полного собрания сочинений. Оно начнет выходить в июле в издательстве «Петрополис». Это будет действительно полное, тщательно мной самим отредактированное и систематизированное собрание моих сочинений. Войдет в него все, что я до сих пор написал, и будет подобрано в хронологическом порядке. Я к этому изданию отношусь особенно бережно и хочу, чтобы оно было безупречным.

Есть люди, замечает журналист, которые «хоронят» эмигрантскую литературу. Однако Бунин не разделяет такого мнения.

— Ничуть, — говорит он. — Наоборот, я считаю, что обстановка, в которую по-

ставлены сотни тысяч русских людей в эмиграции, чрезвычайно благоприятна для того, чтобы родились и сложились необычайно сильные, оригинальные дарования. Если подумать только, что мы все, оставшись и телом, и душой русскими людьми, воспринимаем европейскую культуру, вплитываем ее в себя, обретаем новую душу. Для мировой литературы — это необыкновенное явление.

— И я верю, — продолжал Иван Алексеевич, — что результаты его будут также необыкновенны, а вместе с тем и значительны. Подумайте только, природа, люди, вся жизнь воспринимаются новыми людьми с их собственной душой и кровью, с их собственной отцовской культурой, и к тому же не случайными заезжими гостями, не путешествующими литераторами, а писателями, живущими здесь годами, вплитывающими окружающую их обстановку каждым днем будничной жизни. Какие образы могут возникнуть, какие миры могут быть созданы!

Сил для этого в эмиграции сколько угодно, отметил Бунин, она уже дала и Алданова, и Набокова: «А сколько талантливейшей молодежи! Я насчит эмигрантской литературы большой оптимист. И потом, еще одно замечание. Ведь вот говорят, что в эмиграции слишком тяжело живется для того, чтобы тут хорошо писать. Но ведь как раз наоборот. Мировая литература, если вчитаться в историю ее, есть продукт страдания, неудовлетворенного стремления к идеалу. А где же их больше, этих страданий, этих неудовлетворенных стремлений, как не в нашем эмигрантском быту?

И в советской литературе, подчеркнул в заключение Бунин, «есть очень много талантливого. Но думается мне, что настоящего слова там еще не сказано. Я верю, что и теперь уже есть там люди, которые многое могут сказать, но они еще молчат. И главная сила эта в них — в тех, которые молчат. Вот когда они заговорят, они скажут необыкновенные вещи. Но когда это будет?»

...Теперь несколько слов об обширной переписке Бунина. В архиве писательницы Зинаиды Алексеевны Шаховской, которая впервые встретилась с ним в 1934

году, хранятся 19 писем Ивана Алексеевича, а также его возмущенные примечания на полях перепечатанной статьи о нем из Советской энциклопедии. Эти письма вместе с воспоминаниями писательницы «Бунин» были опубликованы в ее книге «Отражения», которая вышла в свет в Париже в 1975 году.

У другой писательницы, уроженки Азербайджана Ум-эль-Банин, имеется целых 30 писем Ивана Алексеевича. Нескольким писем есть и у владельца русского магазина «Дом книги» Бориса Михайловича Делорма.

И вот не так давно в Национальную библиотеку Парижа был передан архив русского писателя Владимира Пименовича Крымова, который в возрасте 90 лет скончался в 1968 году в городке Шату под Парижем. Сам по себе Крымов был личностью незаурядной, плодовитым прозаиком, издавал в России журнал «Столица и усадьба». Он дружил с Мариной Цветаевой, Бальмонтом, охотно принимал у себя дома советских писателей. С Буниным на протяжении многих лет он вел переписку, спорил с ним о русском языке и, по признанию самого Ивана Алексеевича, порой брал верх.

Теперь в Национальной библиотеке можно ознакомиться с оригиналами нескольких писем Бунина из коллекции В. П. Крымова и даже снять с них фотокопии (что я и сделал). Вот выдержки из некоторых.

— Мы уже пятый год сидим в Грасе, — сообщал Иван Алексеевич писателю А. П. Бурову 30 ноября 1943 года, — в Париже давно бы погибли от холода, да и найти там комнату еще более невозможно, чем 100 миллионов на улице. Жизнь наша неописуема — холод зимой полярный, голод пещерный, нищета предельная... Все, что у меня есть, блокировано за границей, заработка ни на грош, разьединен со всеми моими издателями, помощи — ниоткуда, ни друзей, ни знакомых — все исчезло. В. Н. (Вера Николаевна Бунина, жена писателя. — Ю. К.) худее мумии, бледнее снега, я так слаб от голода, что едва встаю с постели. Горячо прошу Вас: м. б., у Вас есть знакомые добрые и состоятельные люди, кото-

рые могли бы мне дать в долг тысяч 15—20 франков — я поручусь жизнью, что отдам.

30 января 1944 года Бунин пишет новое письмо А. П. Бурову: «Очень благодарю за добр. чувства и за посылку денег (если она удастся, буду очень рад, это даст мне маленькую передышку, — очень маленькую, ибо вы представляете себе нашу дороговизну!). Слабко и за советы — насчет луку, например, хотя у нас его нет, равно как и капусты, и яблоч, и пудингов, и молока, и чесноку — мы и забыли обо всем этом. Рад, повторяю, и тому, что пишете. Я тоже писал, написал целую новую книгу рассказов (все о любви), теперь бросил — для чего и для кого писать теперь? Для письменного стола только! Умерли многие...».

Бунинские архивы, хранящиеся во Франции, ждут своих исследователей. Работа эта — на годы.

Юрий КОВАЛЕНКО,
соб. корр. «Известий».

Париж.

Monsieur Y. Kovalenko
Villa Klaber
Chatou S. et G.

8 февр. 1952г.
Дорогой Саккар, по поводу дол.
Мой друг, благодарю вас за
ваше письмо за ваше письмо от
26 декабря 51 г. Мне приятно
что вы помните о нас — все время
ярко помнил о вас — все время
вспомнил, посетил вас в
Босхеленде Лейдене. Спасибо
на даче. Иван Ив. Бунин